

Самойл ВОЛОГЖАНИН

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

К 100-летию

со дня рождения

П. П. БАЖОВА

ПРИБЛИЖАЕТСЯ столетие со дня рождения замечательного советского писателя-сказителя Павла Петровича Бажова. Вновь и вновь возвращаясь к его интереснейшим сказам, вчитываясь в них, проникаешься все более глубоким пониманием того, с какой любовью, с какой красочностью в них показаны люди труда, их быт, нужды и заботы, их надежды и исполинские творческие силы. И душу заполняет чувство величайшей благодарности и признательности человеку, совершившему этот подвиг...

Мне посчастливилось на протяжении ряда лет встречаться с Павлом Петровичем, близко узнать его. В годы Великой Отечественной войны я работал председателем Полевского райисполкома Свердловской области. Это как раз те места, где прошли детские и юношеские годы Павла Петровича, места, с которыми он не порывал связи до конца своей жизни. Именно по живым впечатлениям, полученным там, он творил свои чудеснейшие произведения.

О родословной своей и детских годах своих П. П. Бажов так повествует в рассказе «У старого рудника»:

«Из пяти заводов Сысертского горного округа Полевской был единственным, где мне приходилось жить и даже бывать до 11-летнего возраста. Однако об этом заводе, который в нашей семье обычно звали старым, слышал довольно часто.

Отец был родом из этого завода и по паспорту числился крестьянином Полевской волости и завода. Там он, как полевской общестественник, имел право на поносный надел, но никогда этим не соблазнялся. Бабушка была «коренных» сысертских родов, но в молодости попала «в число обменных девок», но их отправили на старый завод для принятия закону с тамошними парнями».

Во время одной из наших встреч Павел Петрович как-то заметил, что сказы его навеяны рассказами бабушки, отца и многих стариков, которые жили еще при крепостничестве и познали и тяготы, и горечь народного бесправия. С большой любовью отзывался Павел Петрович об одном из таких повествователей — Василии Алексеевиче Хмелинине. Ребята обычно звали его дедушка Слышко. Им он был близок и дорог как самый занятный сказочник, как человек, вызывавший в детских душах любовь и сочувствие к бедным и обездоленным людям труда.

Кто знает, может быть, именно сказы дедушки Слышко явились той искрой, что зажгла пылкий ум Павла Петровича, помогла ему пристальнее рассмотреть вокруг, понять всю глубину горя народного, всю силу его протеста против чудовищной несправедливости крепостничества и царского самодержавия. Потому, наверное, и сам Бажов избрал для выражения собственных чувств и мыслей, собственного осознанного протеста форму сказов. Случайно ли, что все они проникнуты одной основной идеей — идеей защиты рабочего люда от дикого произвола горного начальства, как и всех сильных того мира, коим правил чистоган?

«Заводское начальство крепостного времени по своей грамотности стояло не выше рабочих, — пишет Бажов. — Оно тоже верило в существование «тайных сил». Поэтому рабочим иногда можно было прикрыться этими «тайными силами». Например, в сказках отмечалось, что в руднике «людей не поролли». Мотивировалось это боязнью начальства лютовать во владениях Хозяйки горы».

Нарушивший этот обычай непременно должен был понести заслуженное наказание.

В сказе П. П. Бажова «Приказчиковы подшвы» со всей очевидностью просматривается, что и в смерти приказчика, измывавшегося над людьми, и в обстоятельствах, предшествовавших ей, ничего особо загадочного нет.

Дальше сам П. П. Бажов пишет:

«Такое же примерно положение в сказе «Две ящерицы». Там из рудника исчезает прикованный цепями рабочий, потом он появляется в заводе, замораживает печи в медеплавильне и после этого совсем скрывается. Объясняется это чудесным содействием Хозяйки горы, но легко предположить и другое. «Пустить славу на Хозяйку» рабочим было выгодно и потому, чтобы отвести от себя наказание, и потому, чтобы подержать и укрепить у невольничьего заводского начальства суеверный страх перед «тайными силами», которые помогают рабочему».

Павел Петрович Бажов частенько приезжал в Полевское. Он живо интересовался тем, что делается в районе, на заводах, рудниках, радовался достижениям

Разделив тревогу рабочих, посочувствовав им и приняв их сторону, он откровенно дал понять, что не мешало бы и некоторым из них немножко подтянуться, подналечь познергичнее, получше самим организовать труд. А что руда «беднее» стала, то тут он, скорее в шутку, чем всерьез, предложил всем миром обратиться к Хозяйке горы с просьбой стать щедрее к людям. И тут же заметил, что Хозяйка та по-прежнему строга, не любит людей, которые отлынивают от работы, на чужом горбу в рай выехать хотят. Она, сказал он, любит тех, кто честно относится к труду, всегда ищет живинку в деле.

Встреча П. П. Бажова с работниками Полевского райкома партии и райисполкома. В центре (справа налево): П. П. БАЖОВ, первый секретарь райкома партии А. П. ДАВЫДЕНКО, председатель райисполкома С. А. ВОЛОГЖАНИН. 1945 г.

ям, огорчался в связи с неудачами, трудностями. Он был желанным гостем рабочих и служащих Северского и Полевского заводов, Гумешевского и Красногорского рудников. Как писатель он проявлял особый интерес к вопросам культурно-бытового строительства, расспрашивал рабочих, как живут они, как устроены их быт. Всякий раз, навещая район, он непременно встречался со старожилами, вел с ними долгие, душевные разговоры.

В трудные годы Великой Отечественной войны рабочие по неделям не выходили из цехов. Недоедая, недосыпая, они создавали грозное оружие для фронта, для победы. Среди тех, кто часто оказывался с ними рядом, кто говорил им слова искреннего участия, поддержки, воодушевления, был и Павел Петрович. Его слово обладало особой действенной силой. Так по-отечески, так душевно мог говорить только он. Многие после встреч и бесед с Бажовым говорили: «А ведь и усталости как не бывало!».

Вспоминается встреча Павла Петровича с горняками Гумешевского рудника. Там тогда было особенно трудно. Снизились добыча медной руды. И тому было немало причин, как сейчас принято говорить, объективных и субъективных. Писатель, депутат Верховного Совета СССР, П. П. Бажов расположил рабочих к откровенной беседе, внимательно выслушал их. На лице его была печать серьезной озабоченности, когда горняки высказывали свои претензии к администрации рудника, жаловались на то, что и «руда бедновата пошла».

Рабочие рудника и администрация заверили тогда Павла Петровича, что они поправят дело, и надо сказать, что слово свое сдержали они с честью. Немедля и его в известность поставили о том, сообщив, в тон его словам, что «дела на Гумешках пошли успешно», предприятие вошло в график и сверх задания дало кое-что.

Да, изумительным даром слова обладал П. П. Бажов. Простое, бесхитростное, шло оно прямо от сердца и сердцем же воспринималось, будило, зажигало мысль. Он был нашим бесценным представителем в высшем органе Советской власти. Запомнились его встречи с избирателями в ходе предвыборной кампании 1945 года. Говорил он просто, без бумажек, без ораторских приемов, бьющих на внешний эффект. Он говорил, рассуждая, как бы приглашая слушателей к раздумьям, к беседе. Каждая фраза его была оригинальна, полна мысли и чувства. П. П. Бажов удивительно «чувствовал» аудиторию, говорил только для нее, обращался только к ней, и потому — нас «райончиков», это немало удивляло — никогда не повторялся, не произносил привычных общих фраз, не повторял известных истин.

Павел Петрович не только был в районе. Он вел постоянную переписку с его жителями, работниками райкома партии, райисполкома. Полевчане часто обращались к нему за советом, с просьбой, а иногда и с жалобой. И надо сказать, что их земляк, писатель и государственный деятель, не оставлял без внимания ни одной просьбы, ни од-

ной жалобы, деликатно, но остро реагировал на случаи неправильного отношения некоторых работников к своим служебным обязанностям, к нуждам и запросам трудящихся.

Обращался нередко Павел Петрович и к нам, районным руководителям: то просил помочь человеку, то дельное предложение рассмотреть. Нас, по правде сказать, нередко захлестывала текучка, кое-что упускали. Давала себя знать и нерадивость отдельных должностных лиц. Но

приходило письмо Павла Петровича или раздавался его голос в телефонной трубке, и «текучка» (как когда-то усталость рабочих) как рукой снимало. Задумывались, решали.

Как-то мраморных дел мастер нашего района Карп Сергеевич Аверкиев обратился к Бажову с жалобой на то, что руководители леспромхоза по «неразумению», как он выражался, не удовлетворили его просьбу установить электромотор в «малухе», в его маленькой избушке-мастерской, который бы значительно облегчил его нелегкий труд.

Павел Петрович не горючился с ответом — сам решил убедиться в том, что за конфликт возник. Приехал в район, сделал остановку в поселке Мраморском, где жил Аверкиев, побывал у него в «малухе», послушал его, полюбовался редкостными по красоте изделиями этого удивительного мастера своего дела, а затем нанес визит руководителям леспромхоза. «Крепкое внушение сделал нам, — говорили они потом, — уму-разуму научил».

Так или иначе, небольшой моторчик, облегчавший труд самородка-ваятеля, был ими установлен. В знак благодарности за проявленную заботу Карп Сергеевич изготовил чудесный чернильный прибор из мрамора и серпентина на тему сказов Бажова, запечатлев и Хозяйку медной горы, и Данилу-мастера, и других героев его сказов. Да только ли благодарность была в том новом произведении искусства? Может быть, не только она, но и просто тот творческий порыв, которым отзывается душа художника на все доброе.

Предназначался тот прибор, конечно, Павлу Петровичу, но так случилось, что он его не увидел. Теперь произведение старого мастера находится среди экспонатов Дома-музея П. П. Бажова в Свердловске.

Припоминаю другой случай. Звонит однажды Павел Петрович по телефону и просит проверить, нет ли в наших детских домах мальчика Сережи П., который с группой ребят был эвакуирован из блокарованного Ленинграда на Урал.

В ту пору у нас в районе находилось около трехсот малолетних ребят, доставленных из голодного, осажденного города Помню, как, получив из Свердловского облисполкома соответствующие указания и рекомендации, мы в течение нескольких дней подготовили для них помещения, освободив два школьных здания, собрали все, что можно было, для устройства ребят. Стояла холодная осень 1942 года. Приехали они в дождь со снегом, голодные, одетые во что попало. Да в трудной дороге намаялись. Кто не вспомнит теперь об этом без волнения и слез? Приняли мы ребят как родных, разместили в теплых комнатах, накормили. И началась для них новая жизнь.

После войны родители, само собой, первым делом стали разыскивать своих детей, вывезенных от военной угрозы в восточные районы. Поступали запросы и к нам, в районные организации, в отдел народного образования. Отвечали на них мы тотчас, без промедления. Приезжали родители. Сколько трогательных встреч было! Сколько благодарных слов было сказано уральцам за приют, за проявленную заботу о детях, наших детях, теперь уже взрослых гражданах Советской страны!

Ну а вот насчет мальчика Сережи П. вмешательство Павла Петровича Бажова оказалось вынужденным. Его побеспокоили родители Сережи, получившие ответ из нашего района, что в наших детских домах их сына нет, Павел Петрович просил повнимательнее проверить, не произошло ли досадной ошибки. Переговорил я с заведующей роно, та заверила, что Сережа П. в списках эвакуированных ребят не числится. Все, казалось бы. Да что-то не давало покоя. Закралось сомнение: а вдруг и в самом деле какая-нибудь нелепая ошибка произошла?

Решил сам побывать в детских домах, благо все мы туда хорошо дорогу знали. Поехал в Полевской — безрезультатно, оттуда — в Северский. Попросил необходимые документы, все списки — первоначальные и последующие. Читаю, в одном вдруг вижу — есть! И имя, и фамилия совпадают. Директор детского дома тут же и самого Сережу разыскала. Пришел белокурый крепкий мальчуган. Все лицо его засветилось радостью, когда узнал, что родители разыскивают его. Прямо из поселка в Ленинград послали им телеграмму: «Ваш сын Сережа жив, здоров, приезжайте». Оттуда же и с Павлом Петровичем связался по телефону, сообщил ему о счастливой находке. По наступившей паузе, по дыханию Павла Петровича почувствовал, как радостно взволнован он. Поблагодарил, потом сказал: «Передайте мое большое спасибо работникам детского дома, что берегли, выносили ребят». «Кого благодарим, а кому-то в роно придется и ответ держать», — отвечал я ему — Не вы бы, может быть, малыш и не увидел своих родителей. Собираюсь написать им письмо, скажу, что вы теперь как бы крестный отец Сережи». «Ни в коем случае не делайте этого, — взмолился Павел Петрович. — При чем тут я? Нет, нет, и не посмейте!».

Что ж, пусть не будет на мне нищей обиды, что теперь, много лет спустя, я «посмел» и к столетнему юбилею добрейшего сказителя рассказываю об этом случае.

Это было так характерно для Павла Петровича — откликнется